

УДК 94(092)(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
П85

Прудникова, Елена Анатольевна.

П85 Рихард Зорге: легенда разведки / Елена Прудникова. —
Москва : Алгоритм, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-907028-38-8

Рихард Зорге — одна из самых романтических фигур в мире разведки. Яркий пассионарий, красавец, любитель вина и женщин, он стал одним из прототипов Джеймса Бонда. Вообще легенд о нем ходит куда больше, чем известно конкретных данных. Говорят, что именно он из далекой Японии первым сообщил в Москву о дате нападения на СССР, о составе и количестве нацистских сил, обрисовал общую схему военного плана вермахта. Правда это или нет? Кто он на самом деле? Незаурядный разведчик или обычный резидент? Человек, незаслуженно отмеченный Хрущевым, или действительно имеющий исключительные заслуги перед Отечеством? Советский патриот или двойной агент? На чью разведку он работал? Имел ли отношение к антисталинским заговорам? Почему в СССР узнали о Рихарде Зорге только в 1964 году и почему о нем вообще узнали?

УДК 94(092)(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-907028-38-8

© Прудникова Е.А., 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Прудникова Елена Анатольевна

РИХАРД ЗОРГЕ
ЛЕГЕНДА РАЗВЕДКИ

Редактор *С.В. Чертопруд*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 08.05.2018.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907028-38-8

9 785907 028388 >

ВВЕДЕНИЕ

Известность для разведчика — дело случая, причем случай этот далеко не счастливый. По одной очень простой причине: чтобы стать известным, надо провалиться. Имена нераскрытых разведчиков крайне редко становятся достоянием общественности. В России можно назвать, пожалуй, один случай — Ян Черняк. И то публикации о нем появились через пятьдесят лет после того, как он закончил свою нелегальную работу, буквально за несколько недель до его смерти. И произошло это в 90-е, когда режим секретности, окружающий деятельность советских спецслужб, по известным причинам давал сбои. А потом двери архивов захлопнулись — и все вернулось на круги своя.

Известность для разведчика — дело случая вдвойне. Чья биография попала на глаза журналистам, кинематографистам, писателям и пр., того они и берут в работу. Вот кто у нас знает о сидевшем в Швейцарии в 40-е годы Рудольфе Рёслере? А он, между прочим, считается лучшим агентом Второй мировой войны, способным ответить на *любые* вопросы Центра о немецкой армии. Между тем о Леопольде Треппере и Анатолии Гуревиче с их «Красной капеллой», сделавших гораздо меньше, написаны книги и статьи, а «Красная капелла» стала, пожалуй, самой известной разведывательной организацией того времени. Одна беда — из этих книг и статей так и не удалось выяснить, чем конкретно они занимались.

Лев Маневич — «Этьен», — проработавший в фашистской Италии около двух лет и собиравший достаточно обычную, рядовую техническую информацию, поразил литераторов своей романтической биографией. В результате, чтобы более убедительными были книги и фильм о нем, ему даже «добавили» четыре года нелегальной работы. А вполне реальный Генри Робинсон, около десяти лет очень результативно работавший в Европе и героически погибший в фашистских застенках, так ничьего внимания и не привлек, хотя биография его романтична ничуть не меньше, чем у Маневича.

Тройка, семерка, туз...

...В конце 50-х годов в руки французского кинорежиссера Ива Чампи попала книга бывшего нацистского дипломата Ганса-Отто Мейснера «Человек с тремя лицами». Мейснер перед войной работал в германском посольстве в Токио и хорошо знал обаятельного и немного беспутного журналиста Рихарда Зорге. Когда выяснилось, что этот отличный парень, замечательный собутыльник и покоритель женских сердец работает на советскую разведку... сказать, что получился скандал — значит не сказать ничего. Это был гром среди ясного неба. Пораженный случившимся, Мейснер после войны, благо в изобилии имелись японские и американские материалы исследований, написал книгу. Ив Чампи в 1961 году выпустил на экран фильм «Кто вы, доктор Зорге?». С него и началась слава «Рамзая».

Фильм прошел по Европе с огромным успехом, и француз решил показать его на родине героя. Должно быть, он ожидал благодарности от нашего правительства: в конце концов, человек делал за советских кинематографистов их работу и мог рассчитывать хотя бы на «спасибо». В 1962 году Ив Чампи предложил ленту для пока-

за в СССР. Фильм посмотрели сотрудники Министерства культуры во главе с незабвенной товарищем Фурцевой. Причем люди из Минкульта справились сами, не пригласив никого ни из военной разведки, ни из КГБ хотя бы для вежливости. И сами решили, что фильм нам не подходит.

Когда в 1963 году в СССР был образован Государственный комитет по кинематографии (знаменитое Госкино), Ив Чампи снова предложил свою ленту теперь уже новому киношному начальству, Алексею Романову. И тут вмешался Его Величество Случай. Совершенно случайно о намечавшемся просмотре узнал человек из службы внешней разведки, посмотрел кино, доложил по начальству, что фильм хороший, разве что с эротикой француз переборщил, ну так чего и ждать от француза... Дальше дадим слово Николаю Захарову, заместителю председателя КГБ:

«Тут же я позвонил А. Романову:

— Ну что, Алексей Владимирович, как фильм?

— Знаете, Николай Степанович, по-моему, Фурцева была права, что отказалась его покупать. В нем много серьезных недостатков и есть такие фрагменты, которые не принято показывать.

— А мне докладывают, что фильм хороший. Давайте так: пленку я заберу и покажу ее руководящему составу КГБ. Если фильм понравится, покажем его на субботнем просмотре членам Политбюро.

В КГБ СССР фильм одобрили. Я попросил начальника личной охраны Н. Хрущева, полковника Литовченко, ознакомить Никиту Сергеевича с аннотацией фильма, подобрал нескольких сотрудников, великолепно владевших французским языком, снабдил их нашими миниатюрными спецприборами синхронного перевода, и к 19 часам они были в Доме приемов, где демонстрировали фильмы. Вскоре со-

брались члены Политбюро и секретари ЦК... Всем подали чай и разнесли список десяти готовых к демонстрации фильмов. Ленты о Зорге в нем не было. Собравшиеся стали обсуждать, что бы сегодня посмотреть, как вдруг Никита Сергеевич предложил:

— А вот Захаров рекомендует фильм о разведчике Зорге. Может, посмотрим?

Все, конечно, согласились. Во время сеанса тишина в зале стояла гробовая. Когда фильм закончился, все вышли в фойе и окружили Хрущева.

— Ну, как фильм? — спросил Никита Сергеевич.

В ответ — выжидающе молчание.

— А по-моему, фильм хороший. Мне, например, понравился... Захаров, — обратился ко мне Никита Сергеевич, — передайте Романову, что фильм нами одобрен. Его надо купить, перевести на русский язык, скорректировать отдельные эпизоды и пустить на большой экран...»

Так началась российская слава Рихарда Зорге — сначала книга, написанная немцем, затем фильм, снятый французом, потом уже работы советских журналистов, более или менее перевиравших факты. Вскоре руководство КГБ предложило наградить участников группы «Рамзай» и нашло полное понимание в «верхах»: эпоха требовала новых героев.

Впрочем, рассказывают и такую версию этого награждения. Посмотрев на даче в очередной раз «Кто вы, доктор Зорге?», Хрущев от полноты впечатления воскликнул:

— Вот как надо снимать! Знаешь, что все это выдумки, а сидишь от начала и до конца как на иголках, все ждешь, что же дальше будет...

— Так ведь это не выдумки, Никита Сергеевич, — сказал кто-то из присутствовавших кагэбэшников. — Это чистая правда...

Хрущев снял трубку «вертушки», позвонил в КГБ, там подтвердили: да, был такой разведчик...

— Так почему же о его подвиге до сих пор не знает страна? — возмутился генсек.

Дальнейшее было уже делом техники. Срочно создали специальную комиссию, изучившую материалы, и уже 5 ноября 1964 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета о присвоении Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза. Главное разведывательное управление советской армии (группа «Рамзая» числилась за военной разведкой) хранила молчание.

После всех этих событий Рихарда Зорге по какому-то молчаливому уговору стали считать «разведчиком номер один». Не то чтобы так оно на самом деле и было — на самом деле подобного супергероя можно сделать из доброй половины разведчиков-нелегалов. В их жизни всегда найдется из чего вылепить сценарий для фильма. Просто так удобнее. При этом как-то забывается, что работа против Германии не являлась основным заданием Зорге — сведения о немецких планах были сопутствующей информацией. Резидентура «Рамзай» была создана для освещения японских дел, а дату начала войны в Москве знали из множества куда более близких к Берлину источников.

Как ни странно, серьезных исследований жизни разведчика в СССР не велось. В библиографии книги «Рихард Зорге» из серии «Жизнь замечательных людей» всего 14 источников, из них три принадлежат самим авторам книги. Так серьезная работа не ведется. Для сравнения: библиография книги немецкого исследователя Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» насчитывает около 150 наименований. Тридцать пять лет Мадер собирал все, что известно о разведчике, подготовил около ста публикаций о нем, написал две книги. Притом что Зорге не так уж долго жил в Германии и не так уж много для нее сделал. Его

жизнь и работа были поставлены на службу Советскому Союзу. Впрочем, если бы речь шла только о разном размере библиографических списков, то это бы еще полбеды. Но и реальные факты из жизни своего героя наши и зарубежные исследователи тоже приводят по-разному, а это уже гораздо хуже.

А с другой стороны, в СССР, да и в ГДР, и на Западе Зорге залакировали — каждый своим лаком. Так всегда бывает при создании культовой фигуры: кто-то вылепливает своего персонажа в соответствии с господствующей идеологией, а кто-то — с предполагаемыми вкусами зрителей. Получается монумент или восковая фигура, но все равно кукла. Но ведь это был яркий человек, живший в сложное время, то и дело естественным образом переходившее в страшное! И как время это было неудобным для всех, кто его описывал, так и люди этого времени плохо годятся для парадных портретов.

Такие дела...

«ПРЕМЬЕР-МИНИСТР» С МОЦАРТШТРАССЕ

...Даже самое начало биографии Рихарда Зорге разные исследователи излагают по-разному. Сходятся они на том, что — да, в начале 80-х годов XIX века на бакинские нефтепромыслы действительно прибыл молодой, но уже достаточно опытный и квалифицированный немецкий инженер по фамилии Зорге. Но дальше пишут кто во что горазд. Юлиус Мадер утверждает, что инженера звали Густав Вильгельм Рихард Зорге, русские почему-то переименовали его в Германа Адольфа Рихарда Курта и снабдили чрезвычайно романтической семейной историей. У герра Зорге была жена-немка по имени Эмма, которая родила ему четверых детей: сыновей Вильгельма и Германа и дочерей Эмму и Амалию. Во время очередной эпидемии холеры жена умерла, и Густав Вильгельм и т. д. остался с четырьмя маленькими детьми на руках.

От той же эпидемии умерли и родители двадцатидвухлетней Нины Кобелевой, оставив семерых детей. Нина, старшая, чтобы прокормить братьев и сестер, нанялась в прислуги к немецкому инженеру. Вскоре хозяин сделал ей предложение. От этого брака и родился пятый, последний, ребенок в семье — сын Рихард.

Но, думаю, все же стоит поверить Мадеру: он намного обстоятельней, и его книга производит гораздо более солидное впечатление, да и к семейным архивам он ближе. Итак, согласно его версии, отца Зорге звали Густав Вильгельм Рихард, родился он в 1852 году и происходил из старинной прусской семьи. Его отец был хирургом, бо-

лее дальние предки торговали лекарствами. Однако молодой человек не захотел поддерживать семейную традицию. В городе Веттин, где он родился, имелась каменноугольная шахта. Мистический германский дух окружил шахтеров романтическим ореолом, и мальчик, с детства слышавший сказки о тайнах подземного мира, став подростком, всерьез заинтересовался горнодобывающим делом. Но практичный Густав Вильгельм довольно скоро понял, что каменноугольная промышленность доживает свой век, дело это бесперспективное, и переключил свои интересы на добычу нефти, принявшись за дело с чисто немецкой хваткой и обстоятельностью. Изучая нефтедобычу, молодой человек несколько лет проработал в США, став хорошим специалистом по глубокому бурению.

И тут начался нефтяной бум в Баку. Братья Нобели, шведские фабриканты, купив по дешевке концессии на разработку нефтеносных земель, поставили дело с размахом. Их компания охватывала весь цикл — от бурения до сбыта продукции нефтепереработки. Производство ящиков, бидонов, канистр, транспорт — железнодорожные цистерны и нефтеналивные баржи — все свое. Империя Нобелей имела 20% от общей суммы иностранного капитала в российской нефтяной промышленности.

Естественно, для такой работы требовалась огромная армия специалистов — отсталая Россия могла поставлять на заводы разве что рабочих. Компания Нобелей вербовала их, где только было возможно: дешевый труд русских рабочих позволял хорошо платить инженерам без серьезного ущерба для прибылей. Так что тридцатилетний, но уже опытный инженер не имел оснований жаловаться на недостаток средств.

Теперь можно было подумать и о том, чтобы обзавестись семьей. Практичный немец не стал гоняться за деньгами и титулами. В жены он взял совсем молодую девушку, Нину Кобелеву, дочь железнодорожника и фабричной

работницы. Девочка была не избалована жизнью, она рано осиротела и вместе с пятью братьями и сестрами выросла в приюте. Густав Вильгельм не прогадал — ему не пришлось жалеть о совершенном мезальянсе. В свою очередь, он отплатил добром за добро — помог получить хорошее образование всем пятерым братьям и сестрам жены.

Нина Семеновна подарила мужу десятерых детей: четырех мальчиков и шесть девочек. Правда, на старой семейной фотографии присутствует только пятеро детей, что вроде бы подтверждает русскую версию, но, в конце концов, в то время далеко не все дети выживали. В Российской империи детская смертность была равна тридцати процентам по первому году жизни да столько же по второму. И вот 4 октября 1895 года у супругов родился самый младший сын — Рихард. Отцу тогда было сорок три года, а матери — двадцать восемь. Если детей было и вправду десять, то замуж она выходила лет шестнадцати-семнадцати, не старше...

Первые годы жизни мальчика прошли в поселке Сабунчи, прокаленном солнцем местечке на берегу соляного озера, где стоял двухэтажный дом инженера Зорге. Впрочем, об этих местах его детская память почти не сохранила воспоминаний. В 1898 году, когда здоровье отца пошатнулось, а денег было накоплено достаточно, семья переехала в Германию. Они обосновались в берлинском пригороде Ланквиц, на известной нашим телезрителям, по иронии судьбы благодаря фильму о разведчике, Моцартштрассе. Густав Вильгельм собирался заняться научной работой, но, когда ему предложили стать директором банка, согласился: это обеспечивало им всем безбедное существование.

Что касается убеждений Густава Вильгельма, то сам Рихард называл отца «националистом и империалистом». В том же духе глава семьи старался воспитывать и детей, правда не слишком успешно. Там ведь была еще и мама,

проводившая с детьми гораздо больше времени, чем глава семейства. Семья была двуязычная, в быту на равных использовались и немецкий, и русский языки. Все ее члены, включая младшего Рихарда, живо интересовались тем, что происходило на их далекой родине. А дела там творились крайне интересные.

Закавказье являлось одним из центров русской социал-демократии. Российские эсдеки, в отличие от своих европейских коллег, не увлекались идеями «социального партнерства» и не видели себя в качестве посредников между рабочими и буржуазией. Они были настроены на борьбу, причем не только радикалы-большевики, но и более умеренные меньшевики. Отсюда и результаты.

В 1904 году в Баку три недели длилась мощнейшая стачка нефтяников, в результате которой был подписан первый в России коллективный договор. А дальше сорвалась лавина. Закавказье стало одним из центров революции 1905 года, в которой забастовки являлись «стартовым пакетом». Дальше шли «экспроприации», или «эксы» (а по-простому, налеты), теракты, драки с полицией, боевые отряды... Кстати, именно в Баку тогда работал молодой революционер по кличке Коба, который вскоре станет известен всему миру под другим своим партийным псевдонимом — Сталин.

Идеи социального равенства, классовой борьбы носились и в европейском воздухе, а члены семьи Зорге отчасти помнили, а отчасти знали по рассказам старших, в каких нечеловеческих условиях живут российские рабочие. Так что неудивительно, что один из старших сыновей имел крайне левые убеждения, а младший и вовсе стал коммунистом, коминтерновцем и советским гражданином. Сам Зорге впоследствии говорил, что чувствует себя русским.

...В 1902 году Рихарда отдали в повышенное реальное училище в Лихтенфельде, одном из районов Берли-

на. С самого начала мальчик «прославился» тем, что все время нарушал дисциплину. *«Я был трудным учеником, — впоследствии охарактеризовал он сам себя, — нарушал школьные порядки, своевольничал и был крайне несдержан на язык»*. Впрочем, не только на язык. Если его что-либо не устраивало, он был просто не способен молчать, чуть что, пускал в ход кулаки — тот еще скандалист... Что касается упрямства, повышенной разговорчивости, своеволия — таким он оставался и потом, уже став взрослым, да и кулаками помахать был не прочь даже тогда, когда уже перешагнул за сорок лет.

Мальчишка был способным, что несколько компенсировало трудный характер, хотя таланты имел весьма узконаправленные.

«По истории, литературе, философии и, конечно же, по гимнастике, а также по уровню политических знаний я намного превосходил других учеников. Зато по другим предметам мои успехи были ниже среднего уровня. В пятнадцать лет я начал запоем читать Гёте, Шиллера, Лессинга, Клопштока, Данте и других “трудных” авторов. Однако все мои попытки постичь историю философии и учение Канта оказались тщетными. Моими любимыми темами по истории были французская революция, наполеоновские войны и эпоха Бисмарка. В социальных и политических проблемах Германии я разбирался лучше большинства взрослых. Год за годом я внимательно следил за развитием политических событий. Поэтому в училище меня прозвали “премьер-министром”»*.

* Цит. по: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С. 11–12.

Можно представить себе, какая каша наполняла голову школьника, отец которого был «империалистом и националистом», брат — левых убеждений, а мать из рабочей семьи. Из такого коктейля мог сформироваться кто угодно: анархист, коммунист, социалист, нацист... Сформировался, как известно, коммунист, но для этого потребовалось еще много пройти.

...В 1907 году внезапно умер Густав Вильгельм Зорге. Рихард очень тяжело переживал его смерть. Мальчик замкнулся, стал глубже, серьезнее, несколько отдалился от всех и еще больше увлекся книгами. Кроме того, он вступил в социал-демократическое рабочее гимнастическое общество. Представление о реальном рабочем классе впоследствии оказалось полезным, а симпатии к социал-демократам определили дальнейшую направленность политических приоритетов Рихарда — он выбрал левую сторону политического спектра. Скорее всего, в будущем из него получился бы образцовый политолог, социолог или что-нибудь в этом роде и не менее образцовый социал-демократ. Но жизнь распорядилась по-иному.

Последнее каникулярное лето они с друзьями решили провести в Швеции. Возвращались домой в конце июля. Странные дела творились в Германии: в порту скопилось огромное количество военных кораблей, поезда были переполнены, так что ребята едва сумели добраться до Берлина. Ехали почти исключительно военные, для штатских места в вагонах почти не оставалось, станционные пути были забиты воинскими эшелонами. 1 августа началась война.

Немецких мальчиков всегда воспитывали патриотами. И, когда с началом войны страну охватило патристическое безумие, его первой жертвой стала молодежь. Мальчишки-старшеклассники толпами записывались в армию. Юный романтик Рихард, которому давно надоело училище, да и вообще вся эта скучная буржуазная жизнь,

тут же отправился на пункт призыва, даже не сообщив о своем решении матери. Было ему в ту пору неполных девятнадцать лет.

Судьбе этого поколения немецких школьников посвятил свое творчество Ремарк, специально придумавший для мальчиков, прямо со школьной скамьи брошенных в мясорубку войны, термин «потерянное поколение». Война с такой силой вломила в жизнь этих детей, еще ничего не успевших узнать, что те, кто уцелел, потом с огромным трудом приспосабливались к мирной жизни, в которой не имели корней. Многие так и не смогли к ней привыкнуть — и одним из таких был Рихард Зорге. Но все это будет потом. А пока он проходил подготовку в запасном батальоне 91-го пехотного полка, где вчерашних школьников быстро избавили от романтических настроений.

«У нас не было твердых планов на будущее, лишь у очень немногих мысли о карьере и призвании приняла уже настолько определенную форму, чтобы играть какую-то практическую роль в их жизни; зато у нас было множество неясных идеалов, под влиянием которых и жизнь, и даже война представлялись нам в идеализированном, почти романтическом свете.

В течение десяти недель мы проходили военное обучение, и за это время нас успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет. Нам внушали, что начищенная пуговица важнее, чем целых четыре тома Шопенгауэра. Мы убедились — сначала с удивлением, затем с горечью, а потом с равнодушием — в том, что здесь все решает, как видно, не разум, а сапожная щетка, не мысль, а заведенный некогда распорядок, не свобода, а муштра. Мы стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делалось все, чтобы выбить из нас это чувство... Ко-